

Бараненко Л.А.**УДК 94(47).084.3****ОНИ ОТСТАИВАЛИ ПОСЛЕДНИЙ КЛОЧОК РУССКОЙ ЗЕМЛИ – КРЫМ, МОЖЕТ БЫТЬ, КАК ЗНАТЬ, И ВСЕЙ РОССИИ.**

Всмаживание в прошлое, обращение к фактам и образам минувшего нашей истории, ее осмысление может быть необходимым элементом самоутверждения России.

Обратиться к этому заставляет наша сегодняшняя действительность и этот рубеж Российской государственности – 1150 лет.

Тема братоубийственной Гражданской войны с ее неизбежной жестокостью с той и другой стороны является не просто болезненно-дискуссионной в советской и зарубежной историографии. Она выходит из теоретического поля. Ведь наше российское общество до сих пор находится в атмосфере непреодоленных ее последствий.

Зарубежная литература, воспоминания участников Белого движения могут с неожиданной стороны открыть какие-то грани русского патриотизма и помочь понять, в чем были сила и слабость России.

Военный журналист Валентинов А.А. освещает эти трагические дни в отстаивании русской земли – Крыма в необычном ракурсе.

Он рассказывает о людях, для которых Отечество было дороже матери и отца, и какие бы жестокости, несправедливости это отечество ни совершало по отношению к ним, они не отворачивались от него. Они поступали так, как не следовало бы. Эти люди, участвуя в военных операциях, должны были сохранить Россию.

О тех, кто проявил подлинный жертвенный подвиг, отстаивая последний клочок русской земли – Крым, но, может быть, как знать, и всей России... , рассказано в воспоминаниях А.А. Валентинова. Писатель, журналист, на основе дневников участников и документов выпустит в 1922 г. в г. Берлине книгу «87 дней в поезде генерала Врангеля».

В основу этой работы положен дневник очевидца А.А. Валентинова (1922) «Крымская эпопея. Запись событий начинается с 23 мая ст.ст., т.е. со дня выхода армии генерала Врангеля из Крыма – с Перекопского перевала – на простор северной Таврии и кончается первыми числами рокового ноября, когда штаб генерала Врангеля П.Н. очутился в водах у Золотого Рога.

Место записи – первая ставка, иначе говоря, поезд генерала Врангеля, где в дни операций помещался обычно весь штаб главнокомандующего.

Трагический период с 26 октября ст.ст. по 9 ноября записан людьми, находившимися при ставке до последней минуты, имена которых в соответственном месте обозначены. «Крымская эпопея» – это не просто воспоминания, это документальный источник, где можно найти малоизвестные факты истории и разобраться во всех сложных деталях авторского рассказа.

Работы А.А. Валентинова как журналиста и писателя отличаются фактографичностью, в них передан дух нации. (См. «Белое движение». Избранные произведения: в 16 кн. – кн. 11. – «Белый Крым». «Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и Северной Таврии». Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д.и.н. В.В. Волкова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003) [1].

В апреле–мае 1920 г. автор также участник этой Крымской эпопеи.

Рассказывая об этих днях, он отмечает: «Мы дети страшных лет России, забыть не в силах ничего...».

Описание смертельной агонии – распада государства – одно из самых труднейших описаний для него как журналиста.

По форме изложения – это как бы репортажи, сводки с театра боевых действий. Поражает фотографическая верность изображаемого. Искренность и прямота, звучащие в тексте, служат доказательством для нас будущих поколений, что все это не вымысел.

21 марта 1920 г. генерал А.И. Деникин при обстоятельствах, доходивших до глубокого трагизма и всем достаточно известных, передал по прямому проводу из Феодосии о передаче им всей власти генералу Врангелю П.Н., пожелав новому главнокомандующему успеха в деле воссоздания Родины. Валентинов с болью пишет, что «Крым могли бы, может быть, спасти честные храбрецы, когда-то имевшие мужество говорить всю правду о неизбежности определенного исхода операции, порученной адмиралу Рождественскому, но на “последнем клочке русской земли” оказались, увы, в непосредственной близости к главнокомандующему не они. И когда надо было бить во всю тревогу по поводу “укрепленности” Перекопа, когда, может быть, надо было, по примеру противника, выкинуть решительные лозунги до призыва “все на постройку укреплений Перекопа” включительно, когда, может быть, надо было криком кричать о сотнях замороженных трупов, которые доставлялись с фронта в санитарных теплушках; словом, когда в правде и честной, разумной патриотической тревоге было все спасение – казенные оптимисты продолжали свое извечное чуть ли не «шапками закидаем».

А положение на всем фронте создается чрезвычайно серьезное. Автор рассказывает о понесенных потерях. (По тексту). «В батальонах осталось по 30-40 человек. Ощущается недостаток в питании, патронах и снарядах. Английская обувь страшно трескается от утренней росы. Ноги пехоты переранены».

В газетах изображают дело, таким образом, будто при выходе из Крыма потери понесли одни красные. Разумеется, ложь. Вопрос о спешных пополнениях – сейчас для нас вопрос жизни и смерти. У Чонгарского моста одним из разрывов тяжелого снаряда была уничтожена почти вся рота марковцев, находившаяся в резерве.

Снаряд угодил в сарай, где они расположились. На месте сарая образовалась громадная воронка, вокруг которой копошились раненые и умирающие. Крови было столько, что собака, опустившаяся в воронку, выползла обратно вся алого цвета и долго отряхивалась, как после купания. Я описал этот случай в одном из «Писем из Ставки», что посылал в «Военный Голос».

Цензура не пропустила. А.А.Валентинов отмечает неоднократно, что низкое предательство имеет место, и оно составляет черту нового века...

«22 июня. Начиная с полудня, стали прибывать значительные партии пленных. Почти все раздеты, вернее, оставлены какие-то лохмотья. С наступлением холодов, если не прибудет из-за границы обмундирование, это будет сплошной тиф. Народ просто устал от войны и ему глубоко безразлично, кто заставляет его драться»...

А.А.Валентинов в гл. «Четвертая поездка» (она называется «Объезд фронта») рассказывает о том, какое громадное значение придавалось поездке на фронт представителей иностранных государств. 30 августа, через три дня после возвращения из Керчи полевой ставки, поезду Главнокомандующего было приказано отправиться вновь на фронт. В поезде вместе с генералом Врангелем должны были следовать военные атташе иностранных государств, состоявшие при Крымской армии. Врангеля сопровождали: адмирал Маккели и полковник Кокс (Америка), майор Этьеван (Франция), поручик Стефанович (Сербия), поручик Михальский (Польша), полковник Уольд и капитан Вудвард (Англия), майор Такахаси (Япония).

В первом очерке, описывая первые два дня поездки, Валентинов отмечал: «Было что-то необычайное, страшно волнующее, переносящее как-то невольно мысль к прежнему укладу внешних взаимоотношений России и Европы, в той картине, какую представлял собою Севастопольский вокзал в вечер 30-го августа».

Сказалось это, конечно, не в наружном блеске всей обстановки отхода поезда главнокомандующего, не в этом сверкании электричества в вагонах, от которого мы, варвары, за два года успели отвыкнуть, не в цветах, которых так много в этих вагонах. Другое волновало, другое привлекало глаз, другое невольно будило забытые надежды, рождало опять старый, мучительный вопрос: – неужели?

Неужели же вот эти знатные иностранцы из Версаля и с той стороны океана, гуляющие по перрону в этих новеньких шегольски ярких военных формах и наутюженных смокингах, изволили, наконец, заинтересоваться какими-то нашими – Боже, какой смех – Aleksachkami, Каховками, Токмаками и еще какой-то там захолустной глушью, замечательной всего навсего тем, что она лишь полита до пресыщения такой дешевой и такой выгодной для удобрения кровью русского солдата и офицера»...

На фронте ждали и верили, что Европа и Америка узнают, наконец, правду о той тяжелой обстановке, в которой, напрягая последние силы, защищает дело мировой цивилизации горсточка в два с чем-то десятка тысяч почти обреченных безумцев. И офицеры, и солдаты жадно ждали, что пред глазами Европы – пред глазами всего мира – истина откроется во всей своей неприкрашенной очевидности. В этом, по крайней мере, было все спасение. Автор останавливается на некоторых подробностях самой поездки. Выехали на фронт представители Франции, победоносной Польши, Америки, Японии, Сербии и Англии. Получили места и сотрудники иностранной прессы.

Наши офицеры коротко, просто, больше на ходу знакомят равнодушную еще вчера Европу с легендарной историей обороны Крыма, дают пояснения, устраивают пробы батарей. Аэропланы один за другим начинают выкатываться на середину аэродрома, откуда воздушная эскадрилья поднимается ввысь и производит ряд блестящих маневров.

Летчики просят главнокомандующего и председателя Правительства ускорить высылку аэропланов из-за границы, чтобы использовать два остающихся теплых месяца. Главнокомандующий сообщает летчикам, что им принимаются в этом направлении все необходимые меры и добавляет – задержка произошла с той стороны, откуда мы могли ожидать ее меньше всего ... (Намек на англичан – А.В.).

Рассказывая о посещении иностранными представителями Корниловской дивизии и воистину блестящем параде корниловцев на площади колонии Кронфельд, А.А. Валентинов, как очевидец тех событий, передает всю душевную боль страдальцы матери-России. «Мимоходом заглянула Европа 1 сентября 1920 г. Люди, должно быть дравшиеся почти без передышки с 23 мая, вывезенные потихоньку на «тачанках» специально для парада прямо из окопов и через полчаса после парада отправленные в те же окопы».

Здесь необходимо полностью воспроизвести отдельные места очерка. «Вот приезд... Растянувшиеся длинной-длинной лентой автомобили один за другим выезжают полным ходом в колонию».

Генерал Врангель в сопровождении громадной свиты и представителей иностранных государств направляются вдоль фронта... От края до края громадной площади несутся приветственные крики и неизменное – «рады стараться».

Проходят старые русские полки. Да, это была старая русская гвардия, если бы ... – если бы не эта пестрота мундиров... Вот один прошел в розовой ситцевой рубаше с полотняными погонами, другой в голубой, вот правофланговый без обмоток – серые английские чулки снаружи облегают концы брюк. На мгновение делается больно и обидно. Но стыда, о, стыда нет. Пусть! Пусть весь мир знает, в каких условиях дерется русский солдат. Пусть шелкают затворы фотокамер в руках иностранцев! Пусть. Взглядываю на иностранцев. На лицах напряженное внимание и ... кажется, изумление. Адмирал Маккели и майор Такахаси возятся с аппаратами.

– Смотри, смотри, Европа! Смотри, Англия ... – раздается ясно за моей спиной». А.Валентинов до боли искренен, когда говорит о корниловце.

Старый раненый корниловец, кажется, капитан, не участвующий в параде. Глаза, устремленные на элегантных людей в иностранных мундирах. Бог их знает, что хотели сказать эти глаза...

Смотри, Европа! Эти люди еще вчера, спасая от страшной заразы, рвали голыми руками по пяти рядов каховских проволочных заграждений, да – голыми, потому что до сих пор не удосужилась прислать им пары старых, заваливавшихся со времен Марны ножиц.

Смотри, Англия! Эти люди цвет интеллигенции, оплот нации, гибли под убийственной пропастью на проклятой проволоке, разметая ее прикладами и штыками, ради экономии когда-то присланных тобой снарядов...

Смотри, Европа! Эти люди не могут допустить мысли, что ты бросишь их спокойно умирать в ледяных окопах, не шевельнув пальцем, ради помощи им... Вышедшие сейчас из окопов, чтобы пройти мимо вас, проходили с глазами, полными веры и надежды в ваше благородство, в ваш разум, в вашу честь». («Севастопольский Вестник», № 4) [2].

Представители иностранных государств в Крыму не сумели вовремя ни посмотреть, ни оценить, ни понять всей остроты создавшейся обстановки. И, что хуже всего, быть может, ужаснее всего, это то, что едва ли справедливо будет винить в этом иностранцев. Тех, севавтопольских «аккредитованных» иностранцев, перед которыми только и делали, что расшаркивались и говорили приятные вещи. В ответ удостаивались комплиментов, на которые, в свою очередь, отвечали новыми сахарными любезностями. Крымская кукушка хвалила Галльского петуха, петух не скупился на похвалы кукушке. Временами эти приторные комплименты вызывали у людей дела чувства самого острого раздражения. А. Валентинов замечает даже такое: «Кто-то выразил опасение, не произведет ли дурного впечатления на иностранных военных атташе внешний вид некоторых частей, где люди изрядно поизносились. Понеся тяжелые потери, едва одетые и полуодетые части эти производили крайне тяжелое впечатление. (И далее по тексту). «Надо было слышать ту горячую исповедь, которая последовала в ответе».

Старый боевой корниловец, сверкая глазами, почти кричал своему сомневающемуся соратнику: «А хотя бы и так... Хотя бы и так, поручик...

Имея всего вдосталь не фокус драться... А ты вот подерись три года, когда тебе по капле, из милости, отпускают все до поганой подметки включительно... Когда... эх, – говоривший махнул рукой... – Пусть обмозгуют, что могли бы мы сделать, будь у нас все, что требуется».

В качестве журналиста А.Валентинов через многие репортажи сообщает о том, как тормозилась поддержка запада по совершенно непонятным причинам.

Между тем, имеются исторические документы, проливающие свет на эту сторону дела, когда речь идет о препятствиях, встреченных одним из наших виднейших военных представителей за границей при попытках установить крайне для нас важную радиосвязь с западом, связь, предусматривающую, прежде всего, бесконечно в то время существенную координацию действий:

(Вот этот документ. Генерал Лукомский А.С. получил от командующего французскими силами в Константинополе ФраншЭ-д,Эспр,Э категорическое запрещение устанавливать русскую станцию в Константинополе, и если таковая уже установлена, то тотчас же ее убрать) и т.д. ...

Автор отмечает: «Вся трагедия состояла в том, что в Париже была политика, а в Крыму – неприличное лакейство. А над всем этим доминировал постоянно страх, как бы знатные иностранцы не увидели наших дыр и прорех, когда о них должно было кричать с высоко поднятой головой и стяжать уважение всего мира.

Европа была той фатальной княгиней Марией Алексеевной, в глазах которой, пуще собственной смерти, боялись потерять атом престижа, отмечает А.А.Валентинов. И этот престижный *idée – fixe* был тем живучим микробом, спрятанным в самых потаенных клетках русского организма.

Это не было продуктом болезненного самолюбия у тех, кто не мог мыслить России иначе, как великодержавной и благоустроенной даже на малом клочке ее территории, но, увы, не ослабляет его вредности».

Представители шести государств Европы и Америки, побывавшие в первых числах сентября на фронте, с любопытством смотрели на солдат и офицеров этой армии, с еще большим, кажется, любопытством созерцали «умыкание кубанцами крестьянской девушки» на празднике, специально устроенном для иностранцев. Но громадной трагедии армии они, можно с уверенностью сказать, – не чувствовали, ибо о ней старались им говорить меньше всего. «Тем немногим честным заморским гостям, которые заглядывали изредка в Крым, едва ступали они на берег, одевали, как ненадежным горячим коням, этикие плотные, хорошие наглазники». (По тексту воспоминаний).

«Касаясь всего пережитого, капитан К. говорил мне: – Самое ужасное это то, что нигде даже не имеют понятия о тех горах трупов, которые нам приходилось укладывать при любой атаке каких-нибудь двух рядов проволоки. Мы не можем себе позволить роскоши – уничтожить проволоку огнем артиллерии. Надо экономить снаряды. Атаки под Каховкой стоили нам страшных жертв и произвели самое тягостное впечатление на людей».

Больно уж чувствовалось, как мало стала цениться человеческая жизнь, как легко стали расходовать ее за счет экономии недостающих технических средств. И никто об этом не знает ... Никто не догадывается...». Автор отмечает: «страусова премудрость ревностно опекала всех приезжавших в Крым гостей-чужестранцев. Симпатии к союзникам росли не по дням, а по часам... Достаточно определенно она обнаружилась в этом историческом сентябрьском объезде фронта, когда для демонстрация иностранцам были избраны позиции у Таганаша, а не знаменитый Перекопский перешеек, который по теории вероятности должен был сделаться ареной боев».

«Разве могли мы, признанные в Париже, продемонстрировать то, что только именовалось укреплениями, а в действительности было сплошным скандалом.

Конечно, никогда! Какое же создается впечатление. Ведь мы накануне признания Америкой». Нельзя! Стыд! Стыда-то как раз не должно было быть, ибо добрая половина Перекопских укреплений не могла быть сооружена вследствие недостатка технических материалов. Доставка же этих материалов тормозилась зачастую именно теми, пред кем краснели и смущались больше всего.

Пусть смотрят на все наши дыры и на все отрепья, на все заплаты «не нам краснеть, не нам стыдиться...».

А.А.Валентинов отмечает, что, несмотря на все расшаркивания и реверансы, армия и общество отлично понимали, что дальше платонических комплиментов все эти господа не идут, а за каждый доставленный после упрощений и унижений фунт угля, поношенный френч все равно рано или поздно придется платить втридорога.

Заканчивает эту главу А.А.Валентинов дерзкими пушкинскими стихами

«И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир».

И далее по тексту: «... где-то далеко виднеется смутно Балаклавская бухта. Там – Севастополь, еще так недавно столица Южной России, оплот армии. Как-то странно, непривычно и даже жутко подумать, что теперь там льется невинная кровь, что торжествующие победители «мстят» своим уже бессильным врагам.

Из радиорубки приносят наспех исписанный карандашом бланк: это перехваченное радио красных. Буденный хвастается взятием Крыма. Наконец-то «цикь» получил в подарок долгожданный Крым, последний оплот «белогвардейщины», оплот «контрь-революции». «Гидра раздавлена».

Садится солнце. Туда, в расплавленное море держит курс «Корниловь». Туда, где полная неизвестность. Спускают флаг. Быстро темнеет. Все жаждут посмотреть на последние, уже туманные очертания родной земли.

Спустилась ночь... Темно. Уже ничего не видно за кормой, но все же никто не сходит вниз, все продолжают смотреть в темную даль. На душе тоскливо. Прощай, Россия....

У всех вертится мучительный вопрос: **Что это, заря новой жизни или закат перед долгой ночью. Может быть, закат навсегда?»**

Кратко изложенные воспоминания военного журналиста А.А.Валентинова как материал мемуарного источника, конечно, не документ истории с точки зрения чистоты исторических фактов, но он интересен позицией самого автора.

Думается, что информация, изложенная участником, автором «Крымской эпопеи» при сопоставлении с событиями, происходящими сегодня в России, дает возможность проследить эволюцию истории.

В качестве постскриптума.

Тот всемирный контекст, в котором находилась Россия в 1917 и 1991 гг., был периодом тяжелейшей борьбы России за свое выживание как евразийской державы.

Желая изменить государственный строй России в начале и конце XX века, люди не задавали вопрос – против кого это совершается?

Против Государя, против КПСС или против Государства и его существования как такового?

«Обновления желали все: кто благоденствовал, так и те, кто бедствовал. Это вечная жажда перемен отворила государственные двери...».

Примечания:

1) Валентинов (наст. Ланге) А. А. (1892–1957 гг.). Писатель, журналист. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Участвовал в Мировой и Гражданской войнах. Эмигрировал. Учился в Чехословакии. Работал журналистом во Франции. Состоял пользователем «Особой казны» великого князя Николая Николаевича. Переехал в Югославию. Автор книг «87 дней в поезде генерала Врангеля» (Берлин. 1922). «Последние студенты» (Берлин, 1922). «Штурм неба: «Документы о гонениях на христиан в России»» (Прага, 1924), «Крымская эпопея»: Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. – Берлин, 1922. – Т. 5-6 // Российское зарубежье во Франции. 1910-2000 гг. : биографический словарь : в 3-х т. / под общ. ред.: Л. Манухина, М. Авриль, В. Лосской. – М. : Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, 2008 [4].

2) Врангель Петр Николаевич (1878–1928). Барон, генерал-лейтенант. Командующий Кавказской армией во время Гражданской войны – в Добровольческой армии с марта 1920 г. Главнокомандующий ВСЮР (Вооруженными силами Юга России) и Русской армией.

3) Президент США В. Вильсон, приветствуя падение русского царизма, отмечал те «удивительные и чрезвычайно важные события, которые произошли в России, благодаря которым «великий и благородный русский народ» сможет присоединиться к странам, «сражающимся за свободу, справедливость и мир на земле». Американский посол в Петрограде Д.Фрэнсис вручил Временному Правительству России свои верительные грамоты, опередив глав дипломатических миссий Великобритании, Франции, Италии.

4) «Мудрость Н.Макиавелли можно обнаружить во всем, что окружает нас сегодня. **Новая жизнь в новом переводе важнейшего произведения великого флорентийца совпадает со временем, когда его мудрость должна быть особенно востребована в России**» // Николо Макиавелли. «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь» / пер., примеч., науч. ст., аннот. предметно-именной указатель М. А. Юсим, послесл. П. Баренбойм. – М. : РОССПЭН, 2002. [5].

Источники и литература:

1. «Белое движение». Избранные произведения : в 16 кн. / сост., науч. ред., предисл. и коммент. д.и.н. В. В. Волкова. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2003. – Кн. 11 : Белый Крым. Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и Северной Таврии.
2. Валентинов А. А. Четвертая поездка. Обезд фронта / А. А. Валентинов // Севастопольский Вестник. – 1920. – № 4.
3. Валентинов А. А. «Крымская эпопея»: Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном / А. А. Валентинов. – Берлин, 1922.
4. Валентинов (наст. Ланге) А. А. // Российское зарубежье во Франции. 1910-2000 гг. : биографический словарь : в 3-х т. / под общ. ред.: Л. Манухина, М. Авриль, В. Лосской. – М. : Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, 2008.
5. Николо Макиавелли. «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь» / пер., примеч., науч. ст., аннот. предметно-именной указатель М. А. Юсим, послесл. П. Баренбойм. – М. : РОССПЭН, 2002.

Ніколаєнко О.О.

УДК 94(477.7)

ГРОМАДСЬКА ДІЯЛЬНІСТЬ ПОЛЬСЬКИХ ЖІНОК ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я НАПРИКІНЦІ ХІХ – ПОЧАТКУ ХХ СТ.

Польська спільнота посідає важливе місце в історії Північного Причорномор'я. Сучасні історичні дослідження як вітчизняних, так і польських науковців показали вагомий внесок поляків в соціально-економічний розвиток та культурне життя регіону [1]. Однак картина минулого досі залишається половинчастою, бо в ній відсутня така важлива постать як особистість жінки. Громадське життя, про яке є можливість дізнатись з архівних матеріалів чи періодичної преси, оминало жінок, як правило зосереджених в приватній, родинній сфері. Тому є потреба висвітити саме діяльність жінок в суспільному житті Причорномор'я. Факти участі жінок в громадській діяльності треба розглядати не як простий вияв активності, але й спробувати відповісти на питання, чим вони були продиктовані і які наслідки мали особисто для жінки і для жіноцтва в цілому.

Для відповіді на дане запитання слід звернутись до історичних джерел, якими стануть як архівні документи, так і матеріали періодичної преси про діяльність польських організацій регіону. Також важливі свідчення зберігають наративи поляків, що мешкали в Одесі чи Херсоні у визначений період. Саме вони дозволять побачити світ очима сучасників.

Наприкінці ХІХ ст. польська людність регіону складала чисельну кількість. В цьому багатотетнічному середовищі поляки вирізнялись своєю мовою – польською, вірою – католицтвом. Характеристика суспільної діяльності жінок не може бути загальною, бо жінки – не гомогенна категорія, а середовище, яке було розділено статусними, майновими, віковими та безліччю інших факторів. Отже, варто зазначити, що власниці маєтків, скоріше, не розуміли своїх співвітчизниць, які йшли до лав революції, так же, як і полячки міського середовища знаходили спільні інтереси в благодійних або релігійних товариствах.

Аналіз громадської діяльності польських жінок буде проведений по різним напрямкам – революційна діяльність, культурно-просвітницька, благодійницька.

Ще з 1870-х рр. ХІХ ст., коли в Російській імперії розпочали діяльність різноманітні революційні угруповання, жінки брали в них участь. У своїй більшості революційні гуртки охоплювали вихідців з робітничого чи різночинного середовища, студентів. Гасла покращення життя народу, несправедливості і утисків знаходили підтримку в середовищі великих міст – Одеси, Миколаєва, де в різні часи діяло декілька революційних організацій. У 1877-1878 рр. в Одесі існував гурток І. М. Ковальського, до складу якого входили і жінки – сестри Олена та Вікторія Віттен (їхня матір була німкенєю, а батько-поляком). Дівчата утримували конспіративну квартиру, а також взяли участь в облаштуванні в ній підпільної типографії [2]. У січні 1878 р. під час видрукування листівок, жандармерія спробувала здійснити обшук квартири, який наразився на збройний опір гуртківців, серед яких знаходилась і В. Віттен, і Л. Мержанова. Всі члени угруповання були передані військовому суду.

Друкарню утримувала і сестра відомого революціонера В. Ілліча-Світича – Елеонора. І хоча дуже швидко, ця народовольська друкарня була викрита жандармерією, участь в цій справі полячок свідчить, що жінок втягував вир революційної боротьби.

Однією з особливостей цієї участі був її родинний характер. Якщо чоловіки попадали до підпільних гуртків, навчаючись в університеті, працюючи в різноманітних закладах, то жінки не мали такої можливості. Жінки, які приходили до нелегальної діяльності, були сестрами чи дружинами революціонерів.